

Конечно я знала, что ничего не напишу про Ереван сразу. Коржи для торта нельзя резать горячими — развалятся. Конечно, знала, я себя давно уже знала, двадцать лет уже знала: но всё равно положила в ручную кладь тонкий синий блокнот — на всякий случай, для вида, для уверенности в том, что сделала всё, что смогла.

За семь дней в блокноте появилась одна строчка: «я ничего не чувствую» — и несколько мокрых волнистых пятен рядом. Но вот, что появилось в нем после.

Страницы 1-3

На тротуарных плитках лежат раздавленные абрикосы — дети Ереванской земли. Их кормило с рук жаркое солнце Армении, умывали теплые дожди, и, если бы они случайно не перезрели, не сорвались с ветки, не попали под колеса машины, то в нужный срок какая-нибудь бабушка аккуратно собрала бы их в большую коробку, вынесла в переулок, поставила в тень и продала бы по триста драм за кило.

Я смотрю на перезревшие, желтые, желтое стен моего ереванского дома, абрикосы. Мне очень хочется лечь между ними, изогнуть руки и ноги так, чтобы не задеть ни один, и лежать. Я — раздавленный абрикос. Меня никто не съест. Я лежу и думаю: «чёрт, всё-таки перезрела».

* * *

Моё желание путешествовать нельзя было измерить ни в драмах, ни в рублях: они ничего не стоят. Желание было так велико и росло так быстро, что тянуть дальше значило оказаться под ним погребённой.

«Мам, мы с Наташей полетим в Армению в июле, на неделю. Полетим, на самолете. Ты никогда не летала на самолете и никогда не видела Армении. Я никогда не летала на самолете, не видела Армении, моря, гор, южных стран, вообще никаких стран — но мне ещё не сорок четыре, я ещё не сказала себе: ну всё, нечего уже и думать. Я заработаю денег и полечу. Не говори пока что папе и бабушке, они сойдут с ума».

«Тебе в Москве мало чурок?»

«Я поеду ради гор. Хочу увидеть, что это такое, когда горизонт — не ровной полоской, а камнями вверх. Моря в Армении нет, море — до следующего лета. Мне так мало надо, и всего-то: посмотреть, что такое горы и что такое вода без противоположного берега».

«Парня с собой возьмите какого-нибудь, а то вдвоем не страшно? Продадут».

Продадут, продадут: кофе особого армянского сорта, билеты на поезд, магнитик на память, вино из граната, браслетик из золота, соленого сыру, рыбу с Севана, жетончик в метро, мягкое голубо-розовое мороженое в киоске на углу, крупную желтую черешню и созревшие абрикосы. И даже если окажется потом, что мне ничего этого не нужно — нет, правда, ничего — что-то всё равно должно остаться.

* * *

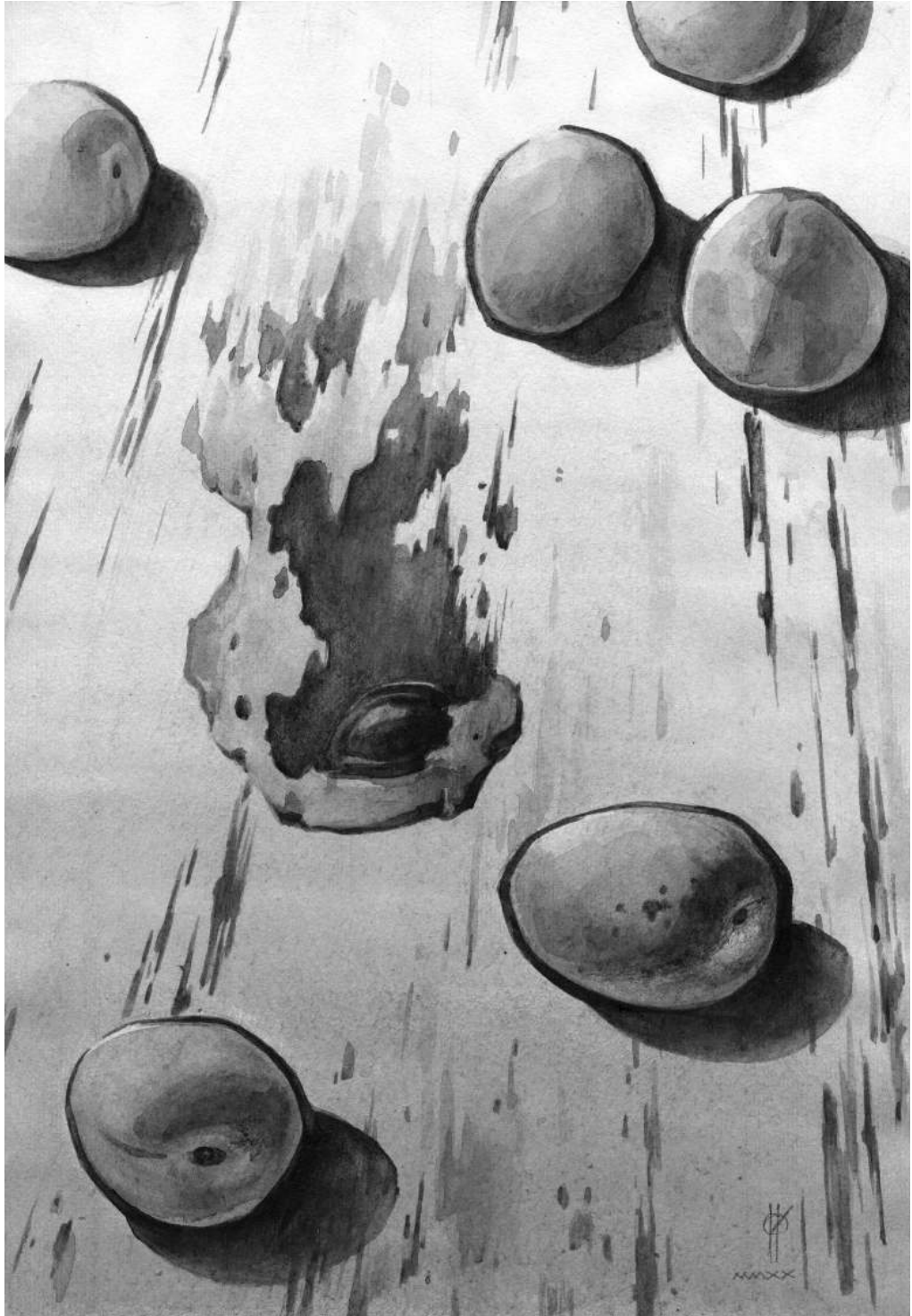
Я — перезревший абрикос. Я раздавленный в пюре, размазанный по асфальту и по колесу проезжавшей машины абрикос. Зачем мне всё это, если я не чувствую, если перезрела. Зачем абрикосу горы, правда. Абрикосу наплевать на горы.

Страницы 4-8

Город ещё не жил, только дворники вполсилы перешептывались мётлами. Дома из розового туфа не лезли в небо, а оставались с кронами широких тополей. Мы шли по улице, доедая шоколадку, которую я брала с собой в самолёт. Ереван был для нас ещё только Ереваном с картинок, мы ещё не знали его, не открыли, я ещё не знала себя, не открыла.

«Меня зовут Арам, как композитора. Я жил в России восемь лет, в Омске. Вернулся недавно, и город как будто новый. Такой красивый город».

Его звали Арам, как композитора. Он догнал нас, когда мы плелись по тихим утренним улицам и искали кафе, в котором можно позавтракать, поравнялся с нами и заговорил. У него были седые волосы, но не от старости, хотя на вид ему было лет шестьдесят, а от того, что в молодости они с другом попали в аварию, и Арам в ней выжил. У него была загорелая кожа, потому что по возвращении

домой, в Ереван, он целыми днями гулял и любовался на свой город, новый и красивый. У него были чётки в руках.

«Я проведу вас коротким путём к кафе, которое уже открыто. Хотите посмотреть по дороге новую армянскую церковь? Лунопарк? Торговый центр «Россия»? Вернисаж? Английский парк? Пешеходную улицу? Вот здесь отель. У тебя зеленые глаза, и у меня тоже. Говорят, что нужно остерегаться зеленых глаз, почему так говорят?»

Он научил нас переходить улицу «по-армянски». Для этого нужно смело ступить на оживлённую дорогу там, где обычно никто не ходит, и, не оглядываясь, идти напрямик в надежде, что машины успеют остановиться. Арам сказал, что это нормально, потому что тут все так делают: «да у нас все, все так делают». Я взяла его под руку и сказала: «собьют вас, собьют и меня». Нас не сбили, а он не отпустил моей руки.

«Я очень рад, что ты сама взяла меня под руку. В Армении это нормально, это так и надо в Армении, у нас тут все гостеприимные. А то бывает, я хочу дотронуться до девочки из России, а она прямо отскакивает, я же ничего плохого не хочу. Спасибо тебе, это настоящая дружба».

Для Арама настоящее армянское гостеприимство — это когда на улице, сразу, как ты прилетел, тебя встречает загорелый седой дедушка с чётками в руках. Рассказывает истории, показывает город, провожает до кафе, на армянском языке просит у официантов дать тебе самый свежий лаваш или что-то другое, ты всё равно не понимаешь. Ждет тебя, пока ты ешь, ведёт на Каскад смотреть панораму города, обнимает за талию, берёт за руку, трогает за бедро, прислоняется, когда ты останавливаешься, чтобы скачать карту, провожает до метро... Нет, до дома. Нет, пожалуйста, не надо до дома, до метро, только до метро. Я так устала, я не спала всю ночь, солнце печет слишком сильно, мы уже четыре часа гуляем, спасибо, мы разберемся, спасибо.

Когда мы спускаемся в метро, он обнимает меня ниже талии, прижимается своей небритой щекой к моей щеке и говорит: «ты моя крошка». Я сбегая за турникет. Маленький розовый жетончик. Эскалаторы в Ереване ездят гораздо быстрее, чем в Москве, один раз я видела, как упала бабушка. Слишком быстро. Всего одна ветка. У поезда всего два вагона, и они трясутся так, будто вот-вот сойдут с рельсов и разобьются о своды тоннеля. Мне так мерзко.

Я засыпаю и чувствую на своей щеке его щёку. Почему я не сказала, что не хочу смотреть парк, почему я пошла на каскад, хотя мы так устали и не спали всю ночь. Потому что я туристка, я гостья, я вежливая девочка из России, не как те, что отпрыгивают, они просто не понимают, что такое дружба.

Зачем я сфотографировалась с ним на память, теперь мне его не забыть.

Солнце пекло ужасно, зато совсем не кусали комары, и не жалили осы. Зато абрикосы были самые сочные и свежие — настоящие, не то что в «Билле» по акции. Зато все улицы были усажены деревьями, и на тротуарах всегда лежали тени. Хотя бы не дожди, в Москве сейчас дожди.

Мы долго блуждали в поисках Голубой мечети. Я жевала хачапури с солёным сыром — очень вкусное.

«Вот, это Голубая мечеть» — сказала я, когда мы подошли к её мозаичным воротам. Они были слегка приоткрыты, так, что можно было разглядеть клочок внутреннего двора.

Во внутреннем дворе девушка в длинном розовом платье и в полупрозрачном платке на голове спускалась по мощеной дорожке к мечети, и над головой у нее восходил полумесяц, и в платке у нее сияла звезда, и на ногах у нее были мягкие тапочки, и звука ее шагов не было слышно. Мы не зашли внутрь, прошли мимо и забыли о Голубой мечети.

Мне было очень скучно, я жевала хачапури. Мне было очень жарко, я не люблю солнце. Я пыталась придумать, за что любить Ереван прямо сейчас.

«У нас такой хороший дом: прохладный, с терраской. Хозяйева такие замечательные, да вообще все люди кругом помогают, как своим, такие люди хорошие. А смотреть все достопримечательности не обязательно же, мы не туристы, мы путешественники — просто живём в другой стране. И город так органично смотрится, вся архитектура в одном стиле, не то что в Москве. Везде зелень, деревья; улочки так красиво уходят вверх. Везде фонтанчики с питьевой водой — вот что значит, заботиться о горожанах. Всё очень дешево. Такси стоит сорок рублей по городу. Один проезд в метро на рубли это... четырнадцать рублей. А в Москве пятьдесят пять».

Я не обманывала себя, но и не говорила всей правды. Настоящая правда была в том, что я, скучая, бродила среди органичной архитектуры, а вечерами уныло сидела, поджав ноги, на нашей терраске. Настоящая правда была в том, что мне не хотелось выходить из дома: жара не спадала до семи вечера, да и мы уже несколько раз обошли город, знали его наизусть. Я сидела на терраске с бокалом гранатового вина: «Ты же так хотела сюда, Настя, зачем тогда хотела. Зачем тогда хотела?»

Можем съездить в кафе пообедать, можем съездить поужинать, можем взять домой фруктов. Фрукты, лепешки, хачапури, хумус, сухофрукты, жингялов хац, суп спас, я не могу больше есть, помогите. Нам всегда нужно знать, куда мы пойдём ужинать, где мы остановимся выпить кофе, в какой кондитерской возьмем пирожное: от кофейни к кафе, от ресторана к бару. Слишком много еды, теперь еда — это наш единственный повод снова пойти гулять, сделать вид, что нам интересно, что мы невероятно счастливы.

Я хочу забыть, что такое еда, я хочу зайти в Голубую мечеть, и чтобы звезда сияла в моём платке, и вымощенная дорога вела вперед, беззвучно несла над брусчаткой — прочь от бесконечных ларьков с хачапури за мозаичными воротами.

Я вываливаюсь из кафе, меня тошнит, я не хочу больше есть, но ничего другого мне не остаётся.

Страница 11

Я не знаю, как написать про горы, правда не знаю.

Страницы 12-13

Один раз я и человек, которого я любила, мы лежали на кровати, вроде мы были раздеты, потому что была ночь. Точнее, уже утро, часа четыре. Мы были в какой-то совсем раздолбанной квартире со старыми обоями и занавесками, и везде что-то валялось, какие-то тряпки, мусор. Но окна в этой квартире выходили на восток, и на самых первых минутах рассвета из-за тяжёлой шторы поползли нежные лучи света. То, что раньше было бежевым, стало розовым, а бежевыми были и обои, и шторы, и наша кожа. Вся комната стала розовой. Я лежала и смотрела на него, и было так сонно и так страшно уснуть, потому что тогда бы всё исчезло. Я чувствовала счастье, самое сильное, самое отчётливое счастье в моей жизни, я запомнила его навсегда: лежать там и видеть персиковую кожу его и свою, когда всё равно, где мы, почему мы и во сколько завтра вставать — это было счастье.

Когда я, проехав шестьдесят километров от Еревана, увидела огромные долины зеленоватых осанистых гор со смотровой площадки у ступеней языческого храма в Гарни — это не было счастьем.

«Ну вот, об этом ты мечтала всю свою сознательную жизнь. Посмотрела — а теперь поехали домой, здесь невыносимо жарко» — моё сердце не дёрнулось.

«Пойдем на лавочку» — сказала Наташа, и мы пошли. Мы сидели, утомлённые жарой, у обрыва на узкой зеленой скамейке, а перед нами — бесконечность, бесконечность гор с маленькими круглыми деревьями на склонах, растущими стройно, ряд за рядом. А перед нами — базальтовые столбы, похожие на трубки органа, свисающие над маленьким прозрачным горным ручьём с самой чистой и самой вкусной водой в мире. Клянусь, если бы мы сидели лицом к гладкой серой стене, я точно так же не почувствовала бы ничего.

«Я не чувствую ничего. Как ты вообще собиралась что-то поменять, Настя? Похоже, что на самом деле тебе вообще не нравится путешествовать. Что, если ты этого так сильно хотела, только чтобы не быть, как твои родители? Что если на самом деле ты — как они? Что ты теперь будешь с этим делать?»

Мне не хотелось больше открывать мир и расширять сознание, мне до слёз хотелось назад, в раздолбанную розовую комнату со старыми обоями. Никогда не выходить из неё и никогда ничего больше не видеть, кроме персиковых лучей, ползущих из-за тяжёлой шторы.

* * *

Когда мы плелись назад к нашему ереванскому дому, я увидела, что на дороге валяются раздавленные абрикосы. Бедные абрикосы, бедные. Их уже никто никогда не съест.

Страница 14

Я знаю, что могла бы быть счастлива в этом городе. Нельзя быть грустным там, где люди танцуют и поют вечером в понедельник на центральной площади просто потому, что им хочется танцевать и петь. Ереван-джан, веселый и солнечный город, полный красоты, любви, улыбчивых людей, гостеприимства, музыки, света, горного воздуха и вкусной еды: прощай, Ереван-джан, мне правда не жаль уезжать.

«Я скучаю по России».

Когда уезжаешь и прощаешься, смотришь в последний раз — выходит почти что как в первый. Только легче, потому что ничего не ждёшь, ничто не зреет внутри, просто смотришь, всё замечаешь и отпускаешь.

В Москве холодно, но хотя бы не дожди. Поезд метро с шестью вагонами плывёт по тоннелю так нежно, что в нём можно спать — и я сплю по пути в свой серый промышленный район с дымящимися красно-белыми трубами и высокими домами. Сплю сладко, будто дальше только лучше, будто поезд везёт меня туда, где вообще не существует даже идеи раздавленных абрикосов, где звезды в платках зажигаются сами по себе.

И ни одной, ни одной горы на горизонте. Ровная полоса, и только торчит шпиль Останкинской телебашни, тычет своим пальцем вверх. Тычет в небо, на котором уже несколько недель нет солнца, а значит, нет и жары.